

Объявляя хорошо продуманную генеалогию списков Повести и установление соотношения сил редакций, изложенные в исследовании В. Ф. Ржиги, основанными «на формальных и более или менее несущественных признаках и фактах», Ю. А. Яворский в то же время сам совершенно произвольно объявляет древнейшей так называемую III редакцию, сохранившуюся в одном списке XVIII в.¹⁵ Однако М. О. Скрипиль установил, что выявленная В. Ф. Ржигой редакция памятника действительно является древнейшей.¹⁶ III редакция сложилась, очевидно, к началу XVIII в. Имеющийся в ней эпизод о «верном друге» Петра вельможе Евстратии, давший Ю. А. Яворскому видимое основание для утверждения о древности III редакции (вследствие компаративистской ссылки автора на сходные с этим эпизодом «легендарно-бродячие» мотивы), на самом деле является вставным. Он не только отсутствует во всех остальных редакциях и списках Повести, но и противоречит всему идейному замыслу произведения, в котором врагами Петра и Февронии выступают как раз вельможи.

Появление в списке ОИДР упоминания имени Еразма как «писателя» Повести Ю. А. Яворский объявляет ошибкой, возможно происшедшей из-за того, что предисловие этого произведения напоминало отдельные мысли книги о троице, а быть может, и из-за «авторской инерции» Ермолая, поставившего на полях произведения свое имя.¹⁷ Но первое предположение Яворского неприемлемо, ибо оно основывается на произвольном, ничем не подтверждаемом допущении специальной источниковедческой работы переписчика, сопоставлявшего книгу о Троице и Повесть о Петре и Февронии для установления автора первого из названных произведений.¹⁸ Второе предположение Ю. А. Яворского вообще лишено смысла: допустить, что к Ермолаю попал текст произведения с интерполяциями из других его сочинений и рассеянный публицист по ошибке поставил свое имя, можно только исходя из предвзятого желания отрицать авторство Ермолая для Повести о Петре и Февронии.

В той же мере, в какой неудовлетворительной является критическая часть аргументации Ю. А. Яворского, направленная против выводов В. Ф. Ржиги, неприемлемы и собственные соображения автора о непричастности Ермолая к составлению Повести о Петре и Февронии. Ю. А. Яворский отмечает прежде всего народно-поэтический склад и язык памятника, считая все это противоречащим литературной манере Ермолая.¹⁹ В данном случае Ю. А. Яворский забывает, что публицист лишь записывал и обрабатывал устную легенду, чем и объясняются особенности языка Повести о Петре и Февронии. В этой связи можно вспомнить, как меняется язык Нестора и других древнерусских писателей в зависимости от жанра их сочинений и в особенности при записи ими народных преданий и легенд. Да и языковые особенности Большой трилогии Ермолая не похожи на особенности «Правительницы», несомненно принадлежащей тому же автору.

Наконец, Ю. А. Яворский обращает внимание на отсутствие песнопений о Петре и Февронии в тропарях, обработанных Ермолаем, и говорит, что существование службы XV в. этим святым, знавшей мотив об убийении Петром змия, свидетельствует о бытовании Повести уже в то время. Авто-

¹⁵ Ю. А. Яворский, стр. 281, 286.

¹⁶ М. О. Скрипиль, Тексты, стр. 215.

¹⁷ Ю. А. Яворский, стр. 290—291.

¹⁸ Помета могла быть сделана не автором, а составителем соорника, но лишь в том случае, если у него были прямые данные для утверждения авторства Ермолая.

¹⁹ Ю. А. Яворский, стр. 293.